

Рецензия на коллективную монографию: Развитие политико-экономической мысли в современной России / гл. ред. В.М. Юрьев, отв. ред. В.Г. Лоскутов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. - 432 с.

Водомеров Николай Кириллович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,
г. Курск, Российская Федерация.
E-mail: vodomerovnik@gmail.com

Капиталистическая трансформация российского общества обернулась резким углублением социально-экономического неравенства, деградацией значительной части производства, науки и социальной сферы, ослаблением национальной безопасности и суверенитета страны. Широким народным массам становится все более очевидным, что главной причиной нарастания негативных тенденций является классовый характер социально-экономической политики руководства страны, который заключается прежде всего в создании «комфортных условий» для буржуазии («бизнеса») посредством усиления эксплуатации наемного труда.

Исследователи–экономисты, искренне переживающие за судьбы нашего народа и ищущие пути его сохранения и процветания, рано или поздно приходят к пониманию того, что насаждаемая властью неоклассическая идеология, – концентрированным выражением которой является экономикс, – преграждает путь к пониманию истинной сути происходящего, служит средством сохранения и укрепления господства капитала. Это побуждает их к поискам и развитию теорий, альтернативных экономикс.

Главной альтернативой экономикс является политическая экономия, созданная А. Смитом и Д. Рикардо, качественно преобразованная К. Марксом и получившая развитие в XX веке в работах отечественных и зарубежных экономистов. Поэтому обращение к политэкономии в поисках ответов на поставленные жизнью вопросы, ее возрождение и критическое переосмысление вполне закономерны и в последние годы активизируются. По проблемам политэкономии в нашей стране проведено уже несколько серьезных научных конференций, нашедших свое отражение в ряде публикаций.

К числу таких публикаций относится и рецензируемая коллективная монография. В ней представлено содержание докладов и резолюции Всероссийской научной конференции «Развитие политико-экономической мысли в современной России», проведенной 17-18 сентября 2015 г. на базе Тамбовского госуниверситета им. Г.Р. Державина. В конференции приняли участие преподаватели и научные работники Тамбова, Москвы, Санкт-Петербурга, Симферополя и др. городов. Из 42 соавторов монографии 25 имеют ученую степень доктора наук или звание профессора, и еще 14 являются кандидатами наук.

Основные темы, обсуждаемые в монографии:

- Роль политэкономии в современной экономической науке, ее значение для познания экономической реальности, взаимосвязи и соотношение с другими направлениями экономической

теории.

- Проблемы, затрагивающие содержание самой политэкономии.
- Рассмотрение актуальных экономических проблем с позиции политэкономии.
- Вопросы преподавания политэкономии и защиты результатов политэкономических исследований.

Остановимся на положениях и выводах, содержащихся в монографии и представляющих, на наш взгляд, наибольший интерес.

А.В. Бузгалин, рассматривая вопрос о соотношении политэкономии и неоклассики, формулирует два основных тезиса:

1) «... «твердым ядром» неоклассики являются методология и категориальный аппарат, вырастающие из марксизма» (с.17).

2) Политэкономия «... нужна и «рядовому» гражданину..., и профессиональному экономисту в той мере, в какой он (она) хочет ... понимать закономерности существующего социально-экономического процесса, его прошлое и будущее и сознательно строить свою жизненную стратегию» (с.38).

Второй из этих тезисов всесторонне аргументирован. Доводы в его защиту основательны и сводятся к тому, что политэкономия изучает широкий круг важнейших, фундаментальных научных проблем, которые находятся «по ту сторону» экономикс, т.е. не входят в предмет исследования этого направления. К таким проблемам, в частности относятся: исторически преходящий характер рыночной экономики, ее реальные противоречия; отношения между классами, слоями общества, интересы слоев классов, общества в целом, различие между внешними формами и сущностью экономических отношений; закономерности общественного воспроизводства, включая качественные изменения в нем, материально-технические основы изменений в системе общественных отношений, ростки и элементы реальных нерыночных отношений в современной экономике; «теоретические модели, объясняющие кто, как и почему может и будет способствовать рождению новых, идущих на смену рынку и капиталу, отношений» и др. (с.26-37).

Что же касается первого из названных тезисов – тезиса о «ядре» неоклассики, – то здесь хотелось бы не согласиться с А.В. Бузгалиным. В качестве аргументов этого тезиса автор приводит следующие положения.

«Исходная категория марксистской политической экономии капитализма – товар – предполагает единство стоимости и потребительной стоимости. ... Сие есть исходный пункт любой теории полезности. Далее, неоклассика, естественно, не обходится без опоры на категорию издержек, которые в конечном счете оказываются ничем иным, как суммой затрат живого и овеществленного труда. В конечном итоге оказывается, что в основе неоклассической теории цены лежит соотношение трудозатрат и полезности» (с.19).

Думается, данное положение не столь очевидно. В «Капитале» К. Маркса анализ товаров начинается с выделения двух их свойств: потребительной стоимости и меновой стоимости (которая «...характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей») [1, с.46]. Затем Маркс делает вывод о существовании стоимости, определяемой затратами общественного труда, как диалектической противоположности потребительной стоимости. В неоклассической же теории рассматривается лишь одна сторона товара – его полезность, от которой только и зависит его обмениваемость на другие товары.

Что касается издержек, то неоклассика не имеет ничего общего с их пониманием как суммы «затрат живого и овеществленного труда». Издержки в неоклассике сводятся к затратам на ресурсы, используемые при производстве товаров (трансформационные издержки) и осуществлении транзакций (транзакционные издержки), а уровень этих затрат в конечном счете определяется предельной полезностью ресурсов. Ни живого, ни овеществленного труда тут и близко нет.

А.В. Бугалин, далее, указывает на ряд положений неоклассики, будто бы заимствованных из марксизма. К ним он относит прежде всего понимание «рынка» как наличия двух атрибутов: общественного разделения труда и обособленности производителей (с.19).

Уточним, что у Маркса речь шла не о «рынке», а о производстве продуктов как товаров. Но дело не в этом. Обособленность производителей и общественное разделение труда рассматривались как условия рыночных отношений и до Маркса, в работах того же А. Смита, чья теория послужила отправной точкой и теории Маркса, и концепций, развившихся в современную неоклассику.

Заимствованием из марксизма автор усматривает и в «...теории «социального» и т.п. капитала», а также в признании «... того, что человек и в долгосрочной перспективе может максимизировать не только свой частный доход, и что это надо учитывать в экономической теории» (с.21). Заимствуется, по мнению А.В. Бугалина, в данном случае положение марксизма о том, что «тип человека» определяется системой экономических отношений. Но в приведенных теориях и выводе современной неоклассики вовсе не идет речи об изменении «типа человека» системой экономических отношений. «Тип человека» понимается по-прежнему, это – индивид («экономический человек»), максимизирующий личную выгоду, поведение и трактовка выгоды которого лишь корректируются с учетом более детального рассмотрения условий его деятельности. В новой институциональной теории «институты имеют значение» для поведения людей, но сами институты рассматриваются лишь как результаты взаимодействий атомизированных индивидов, стремящихся к наибольшей личной выгоде (в т.ч. в условиях «несовершенной информации»), а не как обусловленные объективными закономерностями естественноисторического процесса развития общества.

Если говорить о традиционном институционализме, основоположником которого является Т. Веблен и согласно которому поведение человека социально определено, то и эту теорию лишь с большой натяжкой можно было бы рассматривать как заимствование из марксизма. Тезис о влиянии социальной среды на поведение человека существовал задолго до Маркса. Его можно встретить, например, в работах представителей немецкой исторической школы, которая в гораздо большей степени, чем марксизм, может рассматриваться как предшественница институционализма. Заслуга Маркса в том, что он выделил из всей системы общественных отношений экономический базис (систему производственных отношений) и общественную надстройку. Веблен же проигнорировал это фундаментальное открытие Маркса, понимая под институтами, по сути, любые формы общественных отношений.

Поэтому вряд ли можно согласиться с А.В. Бугалиным в том, что выводы новой институциональной теории будто бы «повторяют основные положения марксистской политэкономии (в том числе – советской), но при этом: 1) дополняют их «операциональностью» и 2) знакомят читателей, не способных (или не желающих) позна-комиться с марксизмом, с важными аспектами социально-экономического бытия человека» (с.30).

Автор полагает, что «... «уравнение Фишера» ... есть не более чем заимствование (причем с упрощениями) формулы количества денег в обращении, выведенной (а не постулированной, как у Фишера) в главе 3 тома I «Капитала». Однако «уравнение Фишера» представляет собой лишь иную запись формулы, использованной в количественной теории денег, известной еще во времена А. Смита. Маркс же внес в эту формулу уточнения, учитывающие наличие кредитных отношений, а Фишер, видимо проигнорировал это научное достижение Маркса.

А.В. Бугалин усмотрел и еще «...целый ряд других заимствований из классиков, имеющих у неоклассиков». К основным из них он относит: «...категории безработицы, ее форм и видов; издержек, включая важные классификации издержек обращения; заработной платы как превратной формы, создающей видимость платы за труд; прибыли как превратной формы, создающей видимость ее создания капиталом, а не наемным работником, и нормы прибыли; специфики ссудного капитала, включая выделение капи-тала-собственности и капитала-функции (а это фундаментальная основа

неоклассической проблемы отношений «принципал – агент» и теории «революции управляющих»); самоотрицания капитала внутри капиталистического способа производства вследствие развития акционерного капитала (исходный пункт так называемой диффузии собственности и «посткапитализма») и мн. др.» (с.21-22)

Необходимо отметить, что автор не проводит четкого различия между «классиками» и марксизмом. Как известно, к классикам относится целый ряд экономистов XVII – начала XIX вв., положения которых (особенно А. Смита) в известном отношении были заимствованы и развиты неоклассикой. Другое дело – марксизм как качественно новый этап в развитии политэкономии. Судя по контексту, А.В. Бугалин в данном случае имеет ввиду именно марксизм. Но трактовка форм безработицы в неоклассике («естественная», «циклическая»), – кроме разве что отдельных названий, – не имеет ничего общего с теорией резервной армии труда, созданной К. Марксом. То же относится и к другим перечисленным выше категориям. Заработная плата и прибыль в неоклассике не рассматриваются как «превратные формы», скрывающие истинную сущность отношений, используется не норма прибыли (отношение прибыли к авансированному капиталу), а «нормальная прибыль» («альтернативная стоимость» ресурсов, принадлежащих фирме). В акционерной собственности неоклассике не видит самоотрицания капитала. Толкование ею издержек, как уже говорилось, принципиально отличается от марксистского. Отделение капитала-собственности от капитала-функции у Маркса, как известно, связано не с отношениями «принципал – агент», а с отношениями между собственниками ссудного и промышленного (или торгового) капиталов.

Вообще говоря, неоклассика лишь развила положения, сформулированные до и независимо от Маркса в работах таких экономистов, как Сэй, Мальтус, Госсен, Джевонс и др. Марксистский вклад в политэкономия ею был отвергнут, но развит ряд положений домарксовской политэкономии Смита («естественность» капитализма свободной конкуренции, «рука рынка», «экономический человек», либерализм и т.д.).

Трудно согласиться, поэтому, с автором в том, что в современной неоклассике будто бы «происходит своеобразное «приспособление» теории и методологии марксизма к нуждам практики глобального капитала» (с.34). Теория и методология подлинного марксизма вряд ли требуется «глобальному капиталу». Это отмечает и сам автор, говоря, что марксистская политэкономия «мало эффективна» и «в основном бесполезна» для решения «проблем, которые наиболее востребованы практикой бизнеса», т.е. максимизации прибыли (с.37). Более того, он пишет о том, что марксистская политэкономия опасна для власти капитала, поскольку доказывает исторически преходящий характер буржуазного общества («рынка») и изучает пути, силы, формы его замены иным способом производства. Поэтому она игнорируется или даже запрещается власть имущими. Неоклассика же, напротив, служит сохранению господства капитала и в идеологическом, и в практическом отношениях.

Говоря о марксизме, А.В. Бугалин полагает, что «...в рамках этой теории понятие «Человек» не случайно пишется с большой буквы, ибо его личностное развитие позиционируется как высший критерий прогресса и, соответственно, высшая мера эффективности, позволяющая сравнивать между собой различные общественные (в частности, экономические) системы...» (с.27). Кто из основоположников марксизма писал слово «человек» с большой буквы? Если автор имеет в виду работы Маркса или Энгельса на немецком языке, то в этом языке вообще все существительные, в т.ч. товар, деньги, капитал и т.д., пишутся с большой буквы. Что касается критерия развития общества, то Маркс, как правило, понимал под ним уровень развития производительных сил общества (производительной силы труда), а не «личностное развитие» человека.

М.И. Воейков полагает, что предмет политэкономии ограничен, это – классовое общество; отношения, прикрытые вещной оболочкой; рынок (с. 85-86, 90-91). С одной стороны, он считает, что «Политэкономический подход к анализу социальных явлений по сути своей есть осмысливание

и объяснение определенных экономических явлений и процессов с точки зрения политических интересов народа, отдельных его слоев и классов. Именно это дает понимание объективных закономерностей экономического и социального развития общества. ... замена политической экономии неоклассической либеральной экономической теорией ... социальную проблему представляет как индивидуализированную проблему отдельных людей. ... без политэкономического знания население неспособно понимать ни экономического устройства общества, ни активно принимать участие в его совершенствовании» (с. 86).

С другой стороны, противореча себе, он утверждает: «Словосочетание «пролетарская политическая экономия» остается пустой красивой фразой. Маркс был критиком буржуазной политической экономии, но никакой пролетарской политэкономии он не создал и не собирался это делать» (с.87). Однако М.И. Воейков вряд ли станет отрицать, что марксистская политэкономия есть «осмысливание и объяснение определенных экономических явлений и процессов с точки зрения политических интересов» прежде всего рабочего класса (пролетариата), и в этом смысле носит пролетарский характер.

Кроме того, даже в классовом обществе политэкономия исследует не только отношения между классами, а, например, и рыночное ценообразование (в том числе на рынках не только товаров, но и труда, земельных участков, ценных бумаг, денежных ссуд), межотраслевую и внутриотраслевую конкуренцию, отношения между ссудным и промышленным капиталами, формирование монополий и монопольной сверхприбыли, различные формы международных экономических отношений и др.

Далее, К. Маркс предметом изучения в «Капитале» определил капиталистический способ производства, а не «рынок». И если с развитием этого способа производства появляются и развиваются отношения, не являющиеся в полном смысле «рыночными», или не прикрытые «вещной оболочкой», то они также входят в предмет политэкономии, как и прочие отношения этого способа производства. Это же относится и к так называемым «посткапиталистическим» отношениям, которые могут быть поняты лишь на основе капиталистического способа производства, хотя и как моменты его отрицания. Более того, классики марксизма рассматривали и становление коммунистической формации как процесс диалектического отрицания капиталистического способа производства, в котором длительное время даже после завершения переходного периода сохраняются «родимые пятна» буржуазного общества [2, с.18]. И нет оснований для вывода о том, что этот процесс Маркс выносил за рамки предмета политэкономии.

Поэтому вряд следует соглашаться со следующими тезисами автора:

«Сегодня появилось новое проблемное поле политической экономии на границе рынка и нерынка. ... Все это предмет политической экономии, но иной, нежели классической, которую лучше назвать постклассической ... Марксизм служит как бы переходом от классической политэкономии к постклассической. Марксизм венчает, завершает одну и дает толчок, начинает другую. Марксизм объявил и объяснил конец политической экономии как науки о неорганизованном социальном хозяйстве ... Постмарксизм ... объясняет появление постклассической политической экономии» (с.91). «... именно социальный конфликт ... между капиталистами и рабочими ... и является предметом изучения классической политической экономии. Если такого конфликта нет, то и классической политической экономии изучать нечего. Стало быть, и политическая экономия уже не нужна» (с.91).

Актуальность «классической» политэкономии, – к которой автор, по-видимому, относит и марксизм, не отличая его от предшественников, – сохраняется для России, по его мнению, лишь в силу того, что конфликт между «капиталистами и рабочими» «еще продолжает давать о себе знать», но на первый план выдвигаются проблемы «постклассической политэкономии, такие проблемы, как «распределение социального продукта между богатыми и бедными в целом», «что остается среднему классу?», «равенства и социальной справедливости, общественной гармонии и социального консенсуса, проблема общественных благ и экономической эффективности, наконец,

экологии и социального рыночного хозяйства» (с.92). Думается, перечисленные выше проблемы вряд ли находятся за пределами капиталистического способа производства, они как раз являются его порождением. Мнение автора о том, что марксистская политэкономия не нужна для научного анализа этих проблем, представляется недостаточно обоснованным.

Вместе с тем следует согласиться с выводами М.И. Воейкова о том, что для развития познания общественных явлений необходимо усиление взаимосвязи между политэкономией и социологией, политэкономией и институциональной теорией. При этом, как отмечает автор, «... пока еще институционализм даже в лучших своих представителях по масштабам и глубине не в силах конкурировать с достижениями классической политической экономии. ... в нашей отечественной научной и преподавательской практике ... политэкономическая традиция и ее научные накопления значительно превосходят ростки институциональной экономии. Скорее всего, следует ожидать синтеза этих ростков с обновленной политэкономией. ... И естественно, что отмена политической экономии разваливает не только экономическую науку, которая превращается в разрозненный набор различных теорий, методов, кривых и формул, но и делает бессистемной всю социальную науку» (с.89-90).

П.В. Касьянов, характеризуя «современное состояние общества» как «глобальный цивилизационный кризис», в котором на «финансово-экономический кризис накладывается кризис экономической науки, затрагивающий в том числе и политэконо-мию» (с.38), формулирует ряд проблем для политэкономов и путей их решения.

Прежде всего, по мнению автора, «политэкономия должна выходить за традиционные рамки, во-первых, экономики в масштабах государства и, во-вторых, за рамки собственно производственных отношений, поскольку операции в сфере фиктивного финансового капитала не являются отношениями производственными ... С практической точки зрения это даже важнее (схоластической) точности определений предмета, методов и т.п.» (с.39).

На наш взгляд, приведенное утверждение не выдерживает критики. Во-первых, политэкономия давно уже, с конца XIX в., изучает процессы в мировой экономике и теоретически осмыслила основные формы международных экономических отношений, в том числе и процессы глобализации, хотя, разумеется, всегда остаются проблемы, не до конца изученные. Во-вторых, «операции в сфере фиктивного финансового капитала», как и все общественные отношения, имеют разные стороны, в том числе и ту, которая является предметом политэкономии. Она также еще с XIX в. изучалась политэкономами, которые и ввели термины «фиктивный капитал», «финансовый капитал». В-третьих, для успешного исследования любому исследователю, – в т.ч. и политэконому, – нужно четко представлять, что именно он должен изучить. Политэкономическая сторона общественных отношений является определяющей. Только на основе ее понимания могут быть научно поняты другие стороны отношений и отношения как диалектическое целое. В этом и состоит практичность политэкономии. Поэтому четкое выделение предмета политэкономии имеет практическое значение и не относится к схоластическим вопросам.

В.П. Касьянов полагает, что «... финансово-экономический кризис является составной частью общецивилизационного кризиса, прежде всего, «западной» цивилизации как доминирующей в «силовом», в том числе в финансово-экономическом, военном и технологическом отношениях, поэтому и выход из кризиса не может быть обеспечен в рамках каких бы то ни было изменений экономической системы (одной лишь экономической системы)» (с.41).

Но что отличает «западную цивилизацию»? Ведь не географическое же положение, а наличие определенного, капиталистического способа производства, достигшего определенной степени развития. Поэтому к этой «цивилизации» относятся ряд стран Востока (Япония, Израиль, Австралия), но не относятся многие страны Запада (Мексика, Центральная и Южная Америка). Не точнее ли в этой связи говорить о кризисе капитализма как общественной формации? При чем причины,

сущность и основные формы этого кризиса уже исследованы марксистами. Научно доказано, что развитие капитализма неизбежно ведет не только к экономическим кризисам, но и гонке вооружений, к международным конфликтам и войнам, углублению всех глобальных проблем человечества. И положить конец этому возможно лишь путем перехода стран к новому, коммунистическому способу производства, для чего требуются, конечно же, не только «изменения экономической системы».

Отмечая, что в условиях современного капитализма усиливается господство «глобальной финансово-кратии» и происходит «деградация человеческой личности», автор лишь в иной форме повторяет положения «Капитала» К. Маркса. При этом он призывает «...выработать принципы экономики, ориентированной на всестороннее развитие человека: духовное, интеллектуальное, физическое (в этом направлении автором предложена концепция «гуманистической экономики»); сформулировать новые представления об общественном прогрессе» (с.41).

Здесь стоит отметить, что есть два пути:

1) Вырабатывать «принципы» некоего идеального общества, а затем настаивать на их воплощении в жизнь. Это – путь, по которому шли различные социальные утописты, начиная с ранних христиан.

2) Исследовать объективные противоречия и законы общественного развития и на этой основе выявлять направления общественного прогресса, условия, способы и социальные силы его осуществления. Это – путь, по которому идут марксистские политэкономы.

Неясно, какой путь предпочитает В.П. Касьянов, но марксистская политэкономия его не устраивает. Он считает ее методологию недостаточной для понимания современных процессов в мировой экономике. Прежде всего автор считает необходимым «...выход за рамки Ньютоно-Картезианской парадигмы, расширение предмета и развитие методологии политэкономии» (с.41).

Однако, методологией марксистской политэкономии является не «Ньютоно-Картезианская парадигма», а материалистическая диалектика, исторический материализм.

В качестве причин отказа от названной «парадигмы» автор выдвигает следующие: игнорирование возможности «резкого усиления субъективного фактора»; недооценка «размаха и значения международной преступной деятельности», «политических факторов воздействия на экономическую ситуацию», «роли централизованного транснационального капитала, подчиненности положения правительств и десоверенизации государств», «значения факторов паразитической экономики, паразитического присвоения (прежде всего, в виде банковского процента, валютных спекуляций и спекуляций на рынке золота, частной эмиссии «государственных» и мировых денег, не обеспеченных эмитентом), которые рассматриваются марксистами лишь как один из аспектов и каналов перераспределения прибавочной стоимости» (с.41-43).

Можно согласиться с тем, что в марксистских исследованиях перечисленных проблем сохраняются «белые пятна», но это же не повод для отказа от марксистской политэкономии, а одно из направлений ее дальнейших исследований. Ведь и в мире природы многие явления до конца не поняты, но это не означает, что нужно отказаться от научной методологии их исследования.

В.П. Касьянов же предлагает по приведенным выше причинам отказаться от важнейших положений и выводов марксизма. Так, он отмечает «необходимость пересмотра учения о «базисе и надстройке»» (с.42). Правда, в чем должен состоять этот пересмотр, автор не уточняет.

Не устраивает автора и марксистская трактовка источников «формирования паразитических доходов». По его мнению, «прибавочная стоимость – не единственный источник» таких доходов, но также и «земельная, горная, лесная рента и прочие виды природной ренты (дифференцы первого рода)» (с.43). Отсюда можно сделать вывод о том, что В.П. Касьянов, видимо, не знаком с марксистской теорией «природной» ренты, доказавшей, что источником этой ренты также является прибавочная стоимость.

Автор считает, что «рентная теория Маркса, теоретические положения о дифференциальной

ренте I и II также требуют значительного развития. ... Во-первых, должны быть описаны не только земельная, горная и лесная ренты, но и виды ренты, соответствующие другим природным ресурсам и условиям, прежде всего, климатическим и дистанционным. Во-вторых, наряду с понятием рентного дохода должно быть введено понятие рентного убытка, раз уж он существует в нашей реальности» (с.43).

Однако все перечисленные автором аспекты ренты были достаточно исследованы в марксистской, главным образом – советской, литературе. Их результаты были отражены в научной и учебной литературе.

По мнению В.П. Касьянова, «Не отвечает реалиям «финансизма» и марксова классовая теория». Причина: «Помимо критерия собственности, необходим учет критерия «паразитизм или созидание», т. е. является ли экономическая деятельность созидательной, производящей реальные товары и услуги, или «делает деньги из денег»» (с.43).

Возражая автору, отметим, что собственность – не единственный критерий выделения классов в марксизме. Кроме того, в марксизме достаточно изучен и вопрос о производительном и непроизводительном труде в буржуазном обществе.

«Наиболее недооцененной» В.П. Касьянов считает проблему «ростовщичества, его влияния на ход социально-экономического и политического развития» (с.44).

С этой проблемой он связывает прежде всего роль ФРС США в мировой экономике. Однако, на наш взгляд, по поводу обогащения США путем «печатания долларов» сказано и написано уже очень много, предложены всевозможные пути избавления от долларовой зависимости. Считать ее «недооцененной» вряд ли правомерно, хотя до конца еще не ясно, каким путем на практике будет решена эта задача.

Далее автор усматривает паразитизм в кредитных отношениях, именно – в уплате процента за пользование ссудами, в наличии процентов на капитал в составе издержек производства. На практике в издержки включается не только плата за заемный капитал (как видимо, полагает В.П. Касьянов), но и «альтернативная стоимость» собственного капитала фирмы. Марксизм вполне объяснил фетишистское представление о капитале, как ресурсе, якобы создающем прибыль. Он раскрыл механизм формирования процента на капитал как превращенной формы части прибавочной стоимости.

В.П. Касьянов же предлагает свою трактовку процента. Она нашла свое отражение в следующей «современной формуле стоимости», разработанной автором:

$$\langle (C + c\%) + (V + v\%) + (M + m\%) + (R) = W = \text{средняя цена},$$

где $c\%$, $v\%$ и $m\%$ – это процентные (паразитические) составляющие в составе, соответственно, стоимости овеществленного труда, стоимостного выражения необходимого труда и стоимости прибавочного продукта; R – различные виды рентных доходов, сводимых к монополюльной ренте в широком смысле этого понятия» (с.49).

Компоненты $c\%$, $v\%$, $m\%$, R в формуле «стоимости», по сути, – надбавки к $(C + V + M)$, т.е. к величине, содержащей весь затраченный овеществленный и живой труд. Значит, труд, согласно этой формуле, не может быть источником стоимости. Что же служит их источником? Автор не дает расшифровки.

Итогом раздела, написанного В.П. Касьяновым, является «наиболее общая рекомендация ...: должны быть исключены любые ныне легальные способы паразитирования... Должна быть разработана альтернативная финансово-кратической системе как власти в обществе, так и справедливого вознаграждения общественно полезного труда с установлением прямой зависимости вознаграждения от общественной полезности, ... при этом должны быть зафиксированы абсолютные и относительные размеры минимума и максимума оплаты рабочего времени. Прибавочный продукт должен обобществляться, использоваться для нужд всего общества (необходимо изучение, использование и

развитие опыта СССР и других соцстран)» (с.50).

Здесь мы опять видим, с одной стороны, стремление автора к проектированию некоего идеального общества, которым должно быть облагодетельствовано человечество по той причине, что в нем нет паразитизма. С другой же стороны, призыв к обобществлению, использованию прибавочного продукта для нужд всего общества, – а это возможно лишь при условии общественной собственности на средства производства, – свидетельствует о том, что автор, по сути, – сторонник социализма.

Марксизм разработал теорию переходного периода от капитализма к социализму, которая в тех или иных формах воплотилась в практике социалистических стран. Социализм потерпел временное поражение. Его сторонникам сегодня необходимо развитие теории перехода к социализму с учетом современных реалий, требуется также, говоря словами В.П. Касьянова, «изучение, использование и развитие опыта СССР и других соцстран». В этом – главнейшая задача марксистской политэкономии сегодня. И ее вряд ли возможно решить без понимания сущности марксизма или, отрекаясь от его основополагающих выводов.

Н.Д. Елецкий, обращая внимание на необходимость учета в экономических исследованиях явлений современной экономики, связанных с процессами глобализации, отмечает: «... модели микроэкономики необходимо модифицировать с учетом превращения транснациональных (авведущих отраслях – глобальных) корпораций в основную современную форму первичного хозяйственного звена (комплекса) и соответствующей модификации механизмов ценообразования, формирования и распределения глобальной (всемирной) прибыли и налогообложения; макроэкономический подход требует перехода от понимания экономической системы в целом как феномена, сущностные закономерности которого формируются в рамках границ отдельных государств, к выявлению этих закономерностей на уровне мирохозяйственной системы. Соответственно, роль основного макроэкономического субъекта переходит от отдельного государства к различным межгосударственным образованиям и к институтам глобального экономического управления» (с.51-52).

В целом соглашаясь с автором, хотелось бы высказать замечание по поводу его трактовки «основного экономического субъекта». В макроэкономических исследованиях, как известно, рассматривается ряд основных субъектов. В наиболее общих моделях для понимания сущности явлений «в чистом виде» рассматриваются только два агрегированных субъекта – «фирмы» и «домашние хозяйства»; в марксистской макроэкономике – наемный труд и капитал. На этом уровне абстракции «государство» как субъект вообще отсутствует. Оно добавляется на следующем уровне восхождения от абстрактного к конкретному. Без первых же двух субъектов никак не обойтись. Если взять мировую экономику как «глобальное рыночное пространство», то в самых исходных, абстрактных ее моделях также, по-видимому, вначале потребуются рассматривать в качестве субъектов агрегированные «фирмы» и «домашние хозяйства» (соответственно в марксизме – наемный труд и капитал), а затем уже переходить к включению в модель регулирующих организаций.

Автор справедливо отмечает, что «исследование причин, необходимости, сущности, противоречий и перспектив» новых явлений в мировой экономике «... является возможным лишь ... посредством политико-экономического подхода» (с.52), что политэкономия сохраняет имеет «статус» «методолого-теоретической основы всей современной системы экономических наук» (с.54).

Далее Н.Д. Елецкий выдвигает и пытается обосновать предположение о формировании «глобальной собственности» и на ее основе – нового «глобально-информационного способа производства» (с.54). Кроме «глобальной собственности на ресурсы», этот «способ производства», по мысли автора, характеризуется: «глобализацией производительных сил»; «общепланетарными масштабами и механизмами экономической деятельности»; «механизмами глобального управления», как «традиционными ресурсами», так и информационными, «социально-экономическая природа которых исходно характеризуется качеством всеобщности и неограниченной воспроизводимости»; «глобальными налогами» в пользу «мирового правительства» (с.54-65).

Из текста складывается впечатление, что «глобальная собственность» понимается автором как «собственность всего человечества». Он отмечает: «Расширяется сфера прямого признания тех или иных объектов собственностью всего человечества и юридическое санкционирование такого признания в форме договора между ведущими акторами глобальных взаимодействий с одновременным или последующим присоединением к данному договору большинства других субъектов международных отношений. Наиболее известные примеры такого механизма – система соглашений о режиме использования общих ресурсов Мирового океана, Договор об Антарктике, договоры по космосу ... международные соглашения по Монреальскому и Киотскому протоколам ... Определение лимита глобальных вредных выбросов в атмосферу посредством установления квот отдельных государств можно рассматривать как следствие фактического признания атмосферного воздуха собственностью всего человечества» (с.55-56).

Деятельность нефтяного картеля ОПЕК рассматривается автором «...в контексте процесса формирования общемировой собственности на нефтересурсы, так как посредством отмеченного механизма ... формируется объем глобального дохода в данной отрасли, а присвоение дохода от функционирования фактора производства выступает как основная форма экономической реализации собственности на данный фактор» (с.57). Автор полагает, что «процесс формирования глобальной собственности можно наблюдать также в деятельности крупнейших ТНК, трансформирующихся в глобальные корпорации (ГК), и межкорпоративных альянсов», которые «осуществляют присвоение определенного вида ресурсов и производство некоторых видов продукции в глобальных масштабах», устанавливают цены мирового рынка, стандарты продукции, проводят «глобально значимые научные разработки», определяют «стратегические направления развития» (с.57-58).

Этот же процесс, по мнению Н.Д. Елецкого, проявляется и в том, что объекты культурного наследия, определяемые как всемирное достояние, «являются, вместе с тем, предметом наблюдения, контроля и частичного финансирования со стороны международных организаций» (с.58). «Возможность свободного использования колоссальных массивов информации, содержащихся в глобальных информационных сетях» (хотя бы и за некоторую плату), также объясняется автором возникновением «системы всемирной собственности на информацию с отождествлением в качестве субъекта собственности всего человечества и всех нисходящих уровней социальной субъектности вплоть до отдельного индивида» (с.59).

При этом Н.Д. Елецкий подчеркивает переходный, противоречивый характер формирования «глобальной собственности», который осуществляется посредством «традиционных принципов и механизмов частной собственности», «в условиях сохранения не только различий, но и многообразных вариантов противоположностей глобальных интересов национально-государственным, а тем более частнохозяйственным» (с.56).

По мнению автора, формирование «глобальной собственности» выражается и в процессах формирования «глобального управления», которое проявляется в деятельности глобальных корпораций и международных экономических организаций, регулирующих международные экономические отношения. Автор обнаружил «развитие тенденции трансформации экономических структур ООН в реальное мировое экономическое правительство», которое, однако, «оказалось заторможено вследствие крушения биполярного мироустройства», в результате которого «многие структуры ООН фактически превратились в инструменты реализации интересов США» (с.63).

На наш взгляд, автор заслуживает поддержки в том, что пытается понять новые явления в современном обществе, но его предположение о формировании нового способа производства нуждается в определенной корректировке. Не отрываясь от реальности, необходимо различать сущность экономических процессов и внешние формы ее проявления. Сущность состоит в дальнейшем развитии капиталистического способа производства, что привело к появлению субъектов монополистической деятельности на рынках товаров; соглашениям между представителями крупного капитала или государствами, – выражающими интересы того же капитала, – о разделе источников

сырья и рынков сбыта товаров. При этом характер собственности остается капиталистическим, а вовсе не «глобальным», и идет непрерывная борьба за передел сфер влияния и рынков, в том числе – военными методами.

Соглашения о правилах международных экономических отношений между теми же субъектами – лишь необходимое условие для развития мирового рынка и развития капитализма.

Соглашения в области экологии необходимы мировому капиталу для обеспечения условий капиталистического общественного воспроизводства. Соглашения о сохранении ряда культурных ценностей и природных заповедников, образования, НТИ, культурного обмена и т.п. (ЮНЕСКО) заключаются с целью развития международных связей, что способствует развитию рыночных отношений. (Кстати, вряд ли стоит преувеличивать роль ЮНЕСКО в охране памятников природы и культуры. Так, все затраты ЮНЕСКО на мероприятия по охране памятников природы и культуры, – а таких памятников сотни, – в 2014-15 гг. составили всего 4,7 млн долл., а в целом на все программы – 59,9 млн долл. Расходы же на содержание персонала этой организации равнялись 156,4 млн долл. [3]). При этом сами эти памятники находятся либо в государственной, либо в частной собственности, но отнюдь не в «глобальной».

Что касается информационных ресурсов, то общедоступными являются далеко не все из них. Это, как правило, те ресурсы (в том числе – дезинформация), распространение которых выгодно капиталу и оплачено им, или те, в отношении которых невыгодно или затруднительно устанавливать ограничения в доступе. Относительно их, видимо, можно говорить о «собственности всего человечества». Те же ресурсы, которые позволяют извлекать доход, выигрывать в конкурентной борьбе, оберегать частную собственность, тщательно охраняются от посторонних, или предоставляются за соответствующую плату.

На наш взгляд, процессы, которые рассматриваются Н.Д. Елецким, – это формы частичного разрешения противоречий капиталистического, – а не «глобально-информационного», – способа производства, суть которых была понята еще классиками марксизма, – появление элементов планомерности, повышение роли государства в экономике в разных формах, господство финансовой олигархии, вывоз капитала, экономический раздел мира и т.д.

Эти процессы готовят материальные условия для перехода к общественной собственности на средства производства и плановой экономике. Как писал В.И. Ленин, «... государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его ...» [4, с.193], но, разумеется, это – далеко не социализм.

Для формирования же собственности всего человечества необходимым условием является установление социализма, – т.е. общественной собственности на средства производства, – в подавляющем большинстве стран мира.

Г.Н. Цаголов высказывает предположение о том, что для правильного понимания развития общества «было бы полезно соединить достоинства обоих подходов» – формационного и цивилизационного. «Не исключено, – пишет автор, – что за таким синтезом и стоит будущее общественной науки» (с.136).

Как следует из дальнейшего текста, в качестве соединения названных подходов Г.Н. Цаголов предлагает тезис о формировании «интегрального» общества, «комбинирующего преимущества капитализма и социализма» и «отсекающего их недостатки». По его мнению, «на смену и капитализма, и чисто социалистической практике» приходит не «постиндустриализм», характеризующий стадию развития производительных сил, а «интегральное общество». «Симбиоз лучших черт капитализма и социализма, – пишет автор, – есть наиболее перспективная ветвь общественного развития» (с.137-141).

Аргументы автора:

1) «капитализм и социализм ....неустойчивы, ... испытывают серьезнейшие кризисы» (с.138);

2) «... коммунизм представляется очередной утопией, не подтверждаемой мировой практикой. Да и «беспримесный» социализм потерпел крах, увы, не случайно. Те страны, которые продолжают развитие, оставаясь целиком на его платформе, на-ходятся в незавидном положении» (с.143);

3) «В человеческой природе социальные начала сосуществуют с эгоизмом. ... нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития». Такой баланс автор видит в сочетании преимуществ капитализма и социализма (с.144);

4) «Симбиоз планового и рыночно-капиталистического хозяйства давал оптимальные результаты», именно сочетанием преимуществ капитализма и социализма, по мнению автора, «объясняются успехи Китая, Индии, Бразилии, Вьетнама, Белоруссии и Казахстана» (с.138).

Г.Н. Цаголов полагает, что для успешного развития экономики СССР в свое время надо было, «сохраняя плановые и социальные преимущества строя, ... отказаться от ряда обветшалых положений и сделать капиталистическую прививку – дать свободу предпринимательству, начиная с аграрной сферы, торговли или сферы услуг. ... Вместо перехода от бюрократического социализма к интегральному обществу в нашей стране совершился регресс – откат к бюрократическо-олигархическому капитализму ... было взято худшее от социализма и капитализма, а лучшее выброшено» (с.140).

Автор пишет: «Переход от социализма к капитализму, тем более олигархическому, а затем и бюрократическо-олигархическому надо признать ошибкой. В качестве цели новых напрашивающихся перемен должно быть названо интегральное общество – синтез лучшего из предыдущих формаций». «Концепция интегрального общества», – считает автор, – должна быть «взята на вооружение российским истеблишментом» (с.144).

Тезис Г.Н. Цаголова о том, что «постиндустриализм» не может рассматриваться как строй, идущий на смену капитализму, представляется достаточно обоснованным. Но гипотеза автора о «симбиозе» капитализма и социализма как будущем общественном устройстве, на наш взгляд, вызывает сомнения.

Автор пишет: «Практическими предтечами интегрального общества был НЭП в России, социал-демократические преобразования в Югославии, ряде европейских, особенно скандинавских, стран» (с.138).

Однако, как известно, НЭП носил временный характер и, исчерпав свои возможности, был заменен политикой индустриализации и коллективизации, что было вызвано необходимостью ускоренной реконструкции народного хозяйства, прежде всего – ввиду надвигающейся угрозы войны. Именно благодаря такой политике была создана материально-техническая база Победы над фашизмом, а СССР стал второй державой в мире. Итогами реформ в СФРЮ стали распад этого государства и переход его частей на путь капитализма. Повышение роли государства в «смешанной» экономике и социальной сфере ряда стран Европы, в т.ч. скандинавских, не стало препятствием последующего снижения темпов их экономического роста, нарастания неустойчивости развития и увеличения безработицы. Опыт «предтеч», таким образом, не позволяет сделать вывод о том, что «симбиоз» «формаций» дает устойчивое и быстрое развитие.

Вместе с тем возникает вопрос: действительно ли в перечисленных исторических примерах имел место «симбиоз формаций», «капитализма и социализма»?

Известно, что общественная формация характеризуется диалектическим единством трех взаимосвязанных сторон: производительных сил, производственных отношений (отношений присвоения) и политической надстройки (характера государственной власти). В классовом обществе государство – аппарат принуждения, который используется правящим классом для реализации своих коренных интересов.

В социалистическом обществе государство служит коренным интересам рабочего класса

и широких слоев трудящихся. Эти интересы заключаются в уничтожении капиталистической эксплуатации и в конечном счете – замене частной собственности на средства производства на общественную собственность. Историческое значение социализма в том, что он разрешает основное противоречие капитализма и этим избавляет мир от нарастающих глобальных проблем, создающих угрозу самому существованию человечества.

В капиталистическом же обществе, напротив, деятельность государства подчинена прежде всего созданию все более комфортных условий для функционирования капитала (эксплуатации труда) и расширения сферы его господства. Интересы же рабочего класса, других слоев трудящихся реализуются лишь постольку, поскольку последние путем организованной борьбы добиваются уступок со стороны класса буржуазии, или в той мере, в какой это необходимо для развития самого капиталистического производства.

В предполагаемом «симбиозе» социализма и капитализма государство должно было бы быть органом, обеспечивающим приоритет интересов, которые в чем-то временно совпадают, но в главном – отрицают друг друга. Существование такого «симбиоза», поэтому, невозможно.

На наш взгляд, правильнее было бы говорить не о «симбиозе формаций», а о многоукладной экономике, в которой есть и социалистический уклад, и капиталистический. Причем недопустимо отождествлять государственный и кооперативный секторы экономики, которые наличествуют в большинстве стран мира, с социалистическим укладом. Наличие социалистического уклада возможно лишь при том условии, что государство обеспечивает прежде всего приоритет интересов рабочего класса и близких к нему слоев трудящихся (диктатура рабочего класса), хотя и идет навстречу интересам буржуазии, если их реализация способствует развитию экономики и повышает благосостояние наемного труда. В противном случае, – в условиях власти буржуазии, – государственный и кооперативный секторы сохраняются лишь для обеспечения условий капиталистического воспроизводства и носят капиталистический характер. А все, что мешает присвоению прибавочной стоимости классом буржуазии, с помощью государства вытесняется и упраздняется.

Поэтому из упомянутых выше стран социалистический уклад имел место только в СССР и СФРЮ. В скандинавских же странах образовалась так называемая «социально-ориентированная рыночная экономика», по сути – капиталистическая экономика с государственным регулированием и социальными программами, принимаемыми под давлением трудящихся, организованных в профсоюзы.

Сосуществование социалистического и капиталистического укладов не отменяет борьбу рабочего класса и буржуазии за обладание властью. При слабости власти рабочего класса буржуазия способна захватить власть и изменить характер государственного и кооперативного секторов, превратив их в средства своего господства. История дает тому массу примеров: бывшие социалистические страны, ставшие на путь капитализма; государства, где власть временно переходила или сейчас находится в руках широких масс трудящихся: Чили, Никарагуа, Венесуэла, Боливия, та же Бразилия, и т.д.

Если же власть рабочего класса достаточно крепка, как это имеет место, например, в КНР, СРВ, КНДР, или на Кубе, то она может использовать развитие капиталистического уклада до определенных пределов – в интересах развития производительных сил страны и в конечном счете – для построения социалистического общества. Но и в этих условиях повышение роли капиталистического уклада в экономике при поддержке империалистических стран извне может, разумеется, привести к смене характера власти и ликвидации социалистического уклада.

Обратимся теперь к тем странам, где, по мнению автора, имеет место успешное сочетание «формаций». Это – Китай, Индия, Бразилия, Вьетнам, Белоруссия и Казахстан.

В КНР и СРВ, учитывая характер государственной власти, действительно сосуществуют

социалистический и капиталистический уклады. При этом правящие партии подчеркивают ведущую роль общественной и коллективной форм собственности и направленность стран на построение социалистического общества. Их опыт, с точки зрения стабильно высоких темпов экономического роста, несомненно, успешен. Они находятся примерно в тех же условиях, что и СССР в 1920-50-е гг. Значительная часть населения занята ручным или маломеханизированным трудом, живет на селе. Этим объясняется отставание КНР и СРВ по уровню развития от наиболее развитых стран. В то же время переход этой части населения к механизированному и автоматизированному труду был и остается источником высоких темпов роста экономики. Роль этого источника, хотя и сохранится в обозримом будущем, но будет ослабевать, и темпы роста, по-видимому, будут снижаться. К тому же типу стран можно отнести и быстро развивающуюся ЛНДР.

Аналогичный источник экономического роста имеется у Индии, активное использование которого является одним из главных факторов высоких темпов роста ее экономики. Но в этой стране проблематично говорить о наличии социалистического уклада, хотя государство и играет значительную роль в экономике.

Похожая на Индию ситуация сложилась и в ряде других странах «третьего мира», показывающих в последние 10-15 лет высокие темпы развития: Бурунди, Эфиопия, Мозамбик, Руанда, Уганда, Танзания, Ангола, Либерия, Нигерия, Сьерра Леоне, Мьянма, Камбоджа и др. Государственная политика в них способствует индустриализации экономики, что и отражается на темпах роста. Но «симбиоза формаций», разумеется, в этих странах нет.

Если говорить о Бразилии, то там силы, выражающие интересы широких масс трудящихся, временно завоевали власть, но в настоящее время отстранены от нее. Экономика Бразилии не отличается в последние годы устойчивостью и ее темпы ниже, чем у многих развивающихся стран. В том числе за последние 35 лет они были ниже, чем у социалистической Кубы, которая, – в отличие от Бразилии, – не располагает значительными природными ресурсами, находилась и находится в тяжелейших условиях экономической блокады со стороны США (см. табл. 1).

Таблица 1 – Среднегодовые темпы роста ВВП ППС на душу населения Кубы и Бразилии, в [5, р. 348-352]

Годы	1980-89	1992-2000	2000-2010	2004-2007	2005-2014
Куба	3.3	1.8	6.0	10.3	3.9
Бразилия	0.9	1.3	2.6	3.2	2.7

В этой связи неясно, почему Г.Н. Цаголов оценивает опыт Бразилии как успешный, а опыт Кубы (в которой недостаточно «симбиоза формаций»), судя по всему, не считает таковым?

Оставшиеся две страны из названных автором успешными – бывшие республики СССР Белоруссия и Казахстан находятся примерно на одинаковом уровне развития. В их экономике государство сохраняет достаточно сильные позиции. Однако целью государственной политики является создание «социально-ориентированной рыночной», – т.е. капиталистической, – экономики. Бывший социалистический уклад в силу этого превращается в государственно-капиталистический. Государство, реализуя текущие интересы трудящихся, в то же время направляет развитие на реализацию коренных интересов буржуазии. Если успешность «экономической модели» этих государств оценивать по темпам экономического роста, то среди бывших республик СССР это не самый лучший результат. После кризисных 1990-х гг. в последние 15 лет по темпам экономического роста Белоруссию и Казахстан опережают Туркмения и Азербайджан, а в последние 10 лет – еще и Узбекистан с Таджикистаном (см. табл. 2). По логике Г.Н. Цаголова, к числу правильного «симбиоза» социализма и капитализма в первую очередь следовало бы отнести и эти государства. Однако автор этого не делает.

Таблица 2 – Среднегодовые темпы роста ВВП бывших республик СССР [5, р. 348-352]

Годы	00-10	04-07	05-14
Азербайджан	17.0	29.8	9.2
Армения	9.4	13.6	2.9
Белоруссия	8.0	9.4	5.5
Грузия	6.9	10.3	4.7
Казахстан	8.3	9.9	5.7
Киргизия	4.5	3.7	4.4
Латвия	5.3	10.6	-0.1
Литва	5.3	8.6	1.2
Молдавия	5.3	5.0	3.4
Россия	5.4	7.7	2.8
Таджикистан	8.1	7.0	6.0
Туркмения	8.3	11.6	10.8
Узбекистан	7.2	7.9	8.4
Украина	4.8	6.4	0.7
Эстония	4.2	9.4	0.3

Г.Н. Цаголов полагает, что на смену капитализму идет «интегральное общество». Факты же говорят о том, что в наиболее развитых странах, несмотря на наличие государственного сектора, государственного регулирования и «социальности», углубляются кризисные явления. Они по-прежнему проводят агрессивную внешнюю политику, нацеленную на передел мира, прибегая в том числе и к развязыванию вооруженных конфликтов и войн. Иначе говоря, они сохраняют все признаки, которые обозначаются терминами «империализм», «государственно-монополистический капитализм».

В большинстве менее развитых стран государственное вмешательство в экономику используется главным образом для защиты национальных интересов от империалистического вмешательства и проведения индустриализации. Это, к сожалению, не всегда им помогает. Вспомним хотя бы события новейшей истории в Сербии, Ираке, Ливии, Сирии ... От вооруженной агрессии в Китай, Вьетнам или Россию империалистов останавливает только то мощное сопротивление, которое может быть ими оказано.

Не только история XIX и XX веков, но и начала XXI века свидетельствует о том, что капитализм несет в себе угрозу всему человеческому роду, которая будет преодолена только переходом все большего числа стран на рельсы социалистического строительства. Социализм как коммунизм, хотя и неразвитый, – вовсе не утопия, а то направление развития, которое только и способно обеспечить сохранение и прогресс человечества во всех сферах общественной жизни. Но это общество рождается в тяжелой и упорной классовой борьбе с силами капитала, и движение к нему не застраховано от временных поражений. То, что произошло в нашей стране, которой в конце 1980-х гг. пытались сделать «прививку капитализмом», – наглядный тому пример.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тома 1-39 / К. Маркс, Ф. Энгельс. Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1955-1974 гг. – Т.23.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тома 1-39 / К. Маркс, Ф. Энгельс. Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1955-1974 гг. – Т.19.
3. 37 С/5 Утвержденные Программа и бюджет 2014-17. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.ru/ru/226695.pdf>
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. Москва: Издательство политической литературы, 1969. - Т.34. С.193.
5. UNCTAD. Handbook of Statistics. 2015. P. 348-352. — Интернет-ресурс. Код доступа: <http://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=1414>